
ПРОБЛЕМЫ МЕТОДОЛОГИИ

УДК 37.0

DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-11-32

ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ И ТЕОЛОГИЧЕСКОЕ ПРОСВЕЩЕНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ, НАПРАВЛЕННОСТЬ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ

И. Я. Мурзина

*Институт образовательных стратегий, Екатеринбург, Россия.
E-mail: Instos-ekb@yandex.ru*

Н. А. Симбирцева

*Уральский государственный педагогический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: simbirtseva.nat@yandex.ru*

Аннотация. Введение. Дискуссии в научной и образовательной среде о научном статусе теологии, ее перспективах в системе университетского образования, возможностях, которые открываются для религиозного образования в России, показывают, что актуальным является анализ места теологии как сферы научного знания в ряду социально-гуманитарных наук, размышления о сущности теологического образования и просвещения, оказывающих влияние на ценностно-смысловую основу общества.

Целью исследования является концептуализация двух понятий – «теологическое образование» и «теологическое просвещение», определяющих сегодня направленность разговора о религии. Задачи исследования связаны с определением объема каждого из выделенных концептов и рассмотрением перспективных образовательных и просветительских практик в России.

Методология, методы и методики. Приведенная в статье научная аргументация базируется на теоретических методах исследования: логический анализ, структурно-функциональный метод, дискурсивный анализ, аксиологический подход. Основой выступает междисциплинарная методология, позволяющая синтезировать подходы, свойственные различным социально-гуманитарным наукам. При описании образовательных практик применялись методы сравнительно-сопоставительного анализа, систематизации и классификации.

Результаты. Определено, что сегодня происходит смена образовательных парадигм: «возвращение» религиозной составляющей в образование рассматривается как попытка задать образованию новую систему координат в единстве горизонтальных (институциональных) и вертикальных (смыслообразующих) векторов. Авторы определяют сущность

теологического образования в широком (формирование ценностно-смысловой основы) и узком (процесс и результат реализации ценностных установок в образовательной практике) смысле. Раскрывают его специфику в профессиональном и общем образовании. Изменения в образовательных практиках последних нескольких десятилетий коснулись просветительской деятельности в сфере религии, что потребовало анализа понятия «теологическое просвещение» и определение его перспектив в условиях цифрового общества. Авторы описывают принципы, условия и направления реализации теологического просвещения.

Научная новизна. В работе проведен терминологический анализ относительно новых для педагогической науки категорий «теологическое образование» и «теологическое просвещение».

Практическая значимость. Представленные в исследовании выводы о возможностях теологического образования и теологического просвещения могут представлять интерес для разработчиков и организаторов образовательных программ религиозной направленности.

Ключевые слова: теология, теологическое образование, теологическое просвещение, мировоззренческие основы, ценностно-смысловые основы, медиапрактики.

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 21-011-44091\21 «Теологическое образование в условиях цифровой культуры».

Для цитирования: Мурзина И. Я., Симбирцева Н. А. Теологическое образование и теологическое просвещение в современной России: концептуализация, направленность и перспективы развития // Образование и наука. 2022. Т. 24, № 8. С. 11–32. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-11-32

THEOLOGICAL EDUCATION AND THEOLOGICAL ENLIGHTENMENT IN MODERN RUSSIA: CONCEPTUALISATION, ORIENTATION AND DEVELOPMENT PROSPECTS

I. Ya. Murzina

*Educational Strategies Institute, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: Instos-ekb@yandex.ru*

N. A. Simbirtseva

*Ural State Pedagogical University, Ekaterinburg, Russia.
E-mail: simbirtseva.nat@yandex.ru*

Abstract. Introduction. The discussions in the scientific and educational environment on the scientific status of theology, its prospects in the system of university education, the opportunities opening for religious education in Russia, show the relevance of the analysis of the

place of theology as a sphere of scientific knowledge in a number of social and humanitarian sciences and reflections on the essence of theological education and enlightenment that influence the axiological basis of society.

Aim. The aim of the study is to conceptualise “theological education” and “theological enlightenment”, which define the focus of the conversation about religion today. The objectives of the study are related to determining the scope of each of the concepts and considering promising educational and enlightening practices in Russia.

Methodology and research methods. The scientific argumentation presented in the article is based on the following theoretical research methods: logical analysis, structural and functional method, discursive analysis, axiological approach. The basis is an interdisciplinary methodology that allows synthesising approaches peculiar to various social and humanitarian sciences. When describing educational practices, the methods of comparative analysis, systematisation and classification were applied.

Results. It is determined that the educational paradigm is being changed today: the “return” of the religious component to education is considered as an attempt to set a new education coordinate system in the unity of horizontal (institutional) and vertical (meaning-forming) vectors. The authors define the essence of theological education in a broad (the formation of an axiological basis) and narrow (the process and result of the implementation of values in educational practice) sense. Moreover, the authors reveal the specifics of theological education in professional and comprehensive education. Changes in educational practices over the past few decades have affected educational activities in the field of religion, which required an analysis of the “theological education” concept and the definition of its prospects in a digital society. The authors describe the principles, conditions and directions of the implementation of theological enlightenment.

Scientific novelty. The paper presents a terminological analysis of the categories of “theological education” and “theological enlightenment”, which are relatively new for pedagogical science.

Practical significance. The conclusions presented in the study on the possibilities of theological education and theological enlightenment may be of interest to developers and organisers of religious educational programmes.

Keywords: theology, theological education, theological enlightenment, ideological foundations, value-semantic foundations, media practices.

Acknowledgements. The current research was financially supported by the Russian Foundation for Basic Research (RFBR) within project № 21-011-44091\21 “Theological Education in Digital Culture”.

For citation: Murzina I. Ya., Simbirtseva N. A. Theological education and theological enlightenment in modern Russia: Conceptualisation, orientation and development prospects. *The Education and Science Journal*. 2022; 24 (8): 11–32. DOI: 10.17853/1994-5639-2022-8-11-32

Введение

Дискуссии последних лет, связанные с включением теологии в число научных специальностей, вновь на повестку дня вынесли вопросы специфики социально-гуманитарного знания, его границах и возможностях описания действительности. Попытка дифференциации религиоведения, богословия и теологии показала, что позитивистская парадигма прежде всего ориентирована на религиоведение как науку, изучающую «закономерности возникновения, изменения, развития и функционирования религии, ее качественные, сущностные характеристики, ее строение и различные компоненты (с учетом особенностей различных религий), ее многообразные феномены, как они представляли в истории (синхронно и диахронно), взаимосвязь и взаимовлияние религии и других областей культуры, а также историю самого религиоведения» [1, с. 109], в то время как богословие, которое выступает синонимом теологии, описывает религию «изнутри» – «богословие относится к области церковного Предания самого по себе, теология – наука, изучающая тексты Предания с точки зрения церкви» [2]; «теология рассматривается как наука о вере Церкви, ставящая своей целью прояснение нормы религиозного сознания конкретного церковного сообщества в горизонте истории Церкви» [3, с. 73], – и носит по преимуществу мировоззренческий (чит.: субъектно-ориентированный) характер.

Размышления о значении религиоведения и теологии как научного знания и сферы научной деятельности, затрагивают и несколько иную плоскость: самоидентификации ученого, его собственного «символа веры», взаимоотношаемости интереса к предмету исследования и ценностно-смысловой основы личности. Согласимся с Д. В. Шмониным, что «обращение к теологическому мировоззрению ученых в начале третьего десятилетия XXI века не означает отказа от принципов научности и объективности в исследовательской работе» [4, с. 13].

Острота обсуждения вопроса о статусе религиоведения и теологии во многом связана с кризисными явлениями в отечественном социально-гуманитарном знании, для которого способы описания реальности долгое время находились в поле атеистического мировоззрения и объективистского взгляда на мир и, как следствие, для некоторой части, в том числе и научного сообщества, оказались скомпрометированы как не соответствующие личностным ценностным установкам. «Клерикализация науки», которой так часто пугают некоторые ученые и публицисты, уходит своими корнями в примат светского и профанного над религиозным и сакральным и, по сути, выступает «защитной реакцией» людей на изменения в понимании смыслов человеческого бытия. «Вычитание субъекта» как значимая процедура в научных исследованиях стала усомневаться, когда речь зашла о глубинных

ценностных основаниях самого человека (в этом смысле быть ученым – это «лишь» профессия). И, как следствие, стали обсуждаться вопросы о потенциале религиоведения и его возможной замены или поглощения теологией. Конечно, ни о какой «замене» речь вестись не может, хотя бы потому, что при общности предмета религиоведение и теология изучают религию по-разному, о чем многократно писали как религиоведы, так и теологи.

Мы бы не стали вспоминать об этих дискуссиях, если бы они не высветили другую серьезную проблему, связанную со значением социально-гуманитарного знания для образования. Здесь, на первый взгляд, все очевидно: предметы социально-гуманитарного цикла (будь то обществоведческие дисциплины в школе или философия, социология, культурология в вузе) направлены на формирование мировоззренческих основ личности, обретения молодым человеком ценностных ориентиров, осознания себя в системе сложных социальных связей и рефлексии собственных жизненных устремлений. В свете происходящих сегодня тектонических сдвигов в социальной жизни вопросы мировосприятия и умения адекватно оценить происходящие события выходят на первый план. Активизировавшееся в последнее время обсуждение вопросов воспитания в школе и вузе стало реакцией на «внезапно» (внезапно ли?) образовавшийся поколенческий разрыв, линия разлома которого прошла по ценностям и осознанности смыслов бытия.

И в этой связи актуальным является обсуждение вопросов о месте теологии как сферы научного знания в ряду социально-гуманитарных наук, о сущности теологического образования и просвещения, оказывающих влияние на ценностно-смысловую основу общества.

Обзор литературы

В ситуации мировоззренческого кризиса постсекулярного мира особую значимость приобретают размышления о смысложизненных основах бытия, о сохранении «человеческого в человеке» (Ф. Достоевский) и «обнаружении во всем отзвуков, отсветов Царства Божия» (о. С. Булгаков). Характер современного общества как постсекулярного зарубежными и отечественными учеными трактуется в нескольких контекстах: в аспекте смены концепта понимания реальности (С. В. Герасимов [5]; Rosi Braidotti [6]), при анализе роли религии и значения религиозности в жизни общества в целом (Jolyon Agar [7]; Alessandro Ferrara [8], Д. Узланер [9]) и российского, в частности (Д. А. Цыплаков [10]; М. О. Орлов, А. В. Ручин [11]). Духовный кризис постсекулярного мира «раскрывает свое подлинное значение в точке пересечения эпистемологических и этико-религиозных аспектов» [12, с. 115]. По сути, это

вновь актуализировавшийся вопрос «Что есть истина?» – и потребность услышать ответ, возвращающий после долгого «витка» по признанию всех ценностей равноположенными и относительными к подлинному смыслу (Истине); ответ, который может и должен прозвучать в дегуманизированном мире, утратившем этические ориентиры. И, как следствие, поиск таких социально-культурных практик, которые помогают действенно отвечать на вызовы современности. Одним из возможных решений стало обращение к теологии.

Возвращение теологии в научное пространство России было сопряжено с рядом трудностей: необходимостью определить границы наук – религиоведения и теологии, не подменяя и не заменяя одну другой; выявить специфику теологического образования в конфессиональном и светском учебном заведениях; определить направленность учебных курсов в школе и вузе, направленных на изучение религии и приобщение к духовным ценностям. Острота дискуссий отражена в многочисленных публикациях (см., например, работы митрополита Илариона (Алфеева) [13; 14], С. С. Аванесова [15], К. М. Антонова [3], Г. Б. Гутнера [16], И. И. Ершовой [17], В. Н. Катасонова [18], К. О. Польскова [19], М. Ю. Смирнова [20], С. А. Хмелевской [21] Д. В. Шмониной [4; 22], Е. С. Элбакян [23], И. Н. Яблокова [1] и др.). И если в западной научной и образовательной традиции вопрос о месте теологии и ее связях с образованием довольно хорошо изучен (см., например, подробный обзор исследований, сделанный в работах Д. В. Шмониной [4; 22]), то для российских авторов это не совсем так. Непримируемость позиций во многом провоцируется подспудным вопросом о значении религии, и прежде всего христианства, в жизни человека, осознанно или нет затрагивающим глубинные основы личностной самоидентификации.

В нашей статье мы не предполагаем вступать в дискуссию о роли теологии в структуре социально-гуманитарного знания – сегодня это данность, а пытаемся вычленить ряд прикладных аспектов, связанных с образованием и просвещением.

Методология, материалы и методы

Приведенная в статье научная аргументация базируется на теоретических методах исследования: логический анализ, структурно-функциональный метод, дискурсивный анализ, аксиологический подход. Основой выступает междисциплинарная методология, позволяющая синтезировать подходы, свойственные различным социально-гуманитарным наукам. При описании образовательных практик применялись методы сравнительно-сопоставительного анализа, систематизации и классификации.

Результаты исследования

Теологическое образование: сущность понятия

За последние более чем три десятилетия постсоветского существования в научно-педагогическом сообществе так и не сложилось общего понимания, в чем же смысл введения социально-гуманитарных предметов в образовательную практику: вечный спор «физиков» и «лириков», умноженный на доминанту прагматического в современном мире, разрешался, как мы знаем, не в пользу «лириков»-гуманитариев. Но инстинкт самосохранения подсказывает, что будущего у общества может и не быть, если у большей его части не сформированы мировоззренческие, духовно-нравственные ценности. А значит, необходимо заполнять возникший идеологический вакуум и снова искать основания для «национальной идеи» как основы воспитания входящих в жизнь молодых людей.

И, как в начале 2000-х годов культурология пришла на смену учебному предмету «Научный коммунизм» [24; 25], так и сегодня делается попытка включить религиозную составляющую в систему общего и профессионального образования наряду с другими дисциплинами социально-гуманитарного блока. Можно, конечно, на этот процесс посмотреть, как на попытку возвращения в высшее образование религиоведения (в последние десятилетия данная дисциплина перестала изучаться на непрофильных специальностях), а можно в более широком контексте – как переопределение задач образования в целом. Научить распознавать связь между предельными смыслами человеческого бытия (задача философии) и их метафизической основой (задачи религиоведения и теологии); понимать взаимообусловленность культуры как способа существования человека в мире и религии (задачи культурологии); видеть движущие силы человеческих поступков и событий, происходящих в обществе, в связи с религиозными установками социальной группы и религиозным опытом личности (задачи психологии и социологии религии) – все это входит в поле социально-гуманитарного знания, а значит, может и должно становится предметом дискуссий в старших классах школы и в системе среднего и высшего образования вне зависимости от приобретаемых специализированных профессиональных навыков и компетенций.

Обоснованная Д. В. Шмониным теология образования как один из возможных выходов из кризиса (пост)просвещенческой секулярной образовательной парадигмы направлена на «преодоление предрассудков, вытекающих из общего характера «современной безбожной эпохи» с ее гипертрофированным представлением о замкнутой в себе личности индивида, взятой в качестве самоцели» [22, с. 471], и решает задачи возвращения педагогики к абсолютным смыслам человеческого существования. Трактуя теологию образования как новый взгляд на философию образова-

ния, автор описывает ее предметную область как многоцелевую, в которую входит понимание личности человека как предмета воспитания в богословско-антропологическом измерении; осмысление роли семьи и подходов к семейной педагогике; анализ специфики религиозно-конфессионального образования; акцентируются вопросы социального характера образования и взаимоотношений общества и государства (в т.ч. роли государства в образовании, понимания религиозной свободы, соотношения светского и религиозного образования, анализа рисков, угроз и вызовов); описываются формы присутствия религии как предмета изучения и параметры взаимоотношений церкви (шире – религиозных традиций) со школой и университетом; а также особенности подготовки специалистов самых различных направлений [22, с. 472]. Тем самым делается попытка задать образованию новую систему координат в единстве горизонтальных (институциональных) и вертикальных (смыслообразующих) векторов.

Сформулированная таким образом парадигма позволяет нам определить сущность теологического образования в широком и узком смысле. *Теологическое образование в широком смысле* – целенаправленный процесс воспитания и обучения, направленный на осмысление и освоение религиозных (конфессиональных) ценностей и смыслов как мировоззренческой основы структуры личности (аспект общественного блага), а *теологическое образование в узком смысле* – собственно деятельность по приобщению к знаниям о религии (институциональный аспект). Теологическое образование в широком смысле можно рассматривать как формирование ценностно-смысловой основы, а в узком смысле – как процесс и результат реализации ценностных установок на практике, в разнообразных формах на каждом из уровней образования.

Такого рода разграничение необходимо для определения границ понятия «религиозное образование» (см., например: определение религиозного образования как по преимуществу конфессионального, сделанное Г. Е. Зборовским и Н. Б. Костиной: религиозное образование – «...деятельность по трансляции религиозных доктрин, опыта, чувств, способов культовой практики, осуществляемой профессионально подготовленными лицами (священнослужителями, религиозными педагогами), а также по подготовке педагогических кадров для системы конфессионального образования»; задачами религиозного образования исследователи называют «воспроизводство конфессиональных групп как рядовых верующих, так и священнослужителей, а вследствие этого – и религии в целом»; включение личности «посредством религиозного образования и воспитания в состав той или иной конфессиональной группы; социализации личности верующего на протяжении всей его жизни»; «формирование и развитие духовно-нравственной культуры

верующих, влияние на культуру нерелигиозных людей, прежде всего – их нравственно-патриотические позиции» [26, с. 107]). В развернутом обзоре дискуссий о содержании понятий «религиозное образование» и «религиоведческое образование» Г. А. Геранина [27] показала, насколько сегодня велика терминологическая путаница.

Используемое нами понятие «теологическое образование» позволяет внести некоторую ясность, как минимум, в понимание теологического образования в узком смысле. Его можно использовать как синоним религиозного образования и рассматривать в проекции профессиональной подготовки теологов в конфессиональных и светских учебных заведениях.

Дискуссии о роли и месте теологии в вузах не случайно носили и продолжают носить характер острого столкновения непримиримых позиций. Введение в действие федерального государственного образовательного стандарта «Теология» (уровень бакалавриата, магистратуры, аспирантуры) полемику только обострило. Однако в прошедших многочисленных обсуждениях мы наблюдаем подмену тезиса – вместо определения границ теологического образования (направления профессиональной подготовки и образовательной практики) диспутанты переходят к рассмотрению сущности теологии и ее соответствия критериям научности и рациональности [28]. И если в конфессиональном образовании такого конфликта нет, то в светском университетском образовании он все еще ощущается. Во многом он связан... с характером набора абитуриентов на программы бакалавриата (в магистратуре, а тем более в аспирантуре конфликт снимается за счет большей осознанности сделанного студентами профессионального выбора): обучаться по образовательной программе «Теология» приходят самые разные люди, в том числе и невоцерковленные (заметим в скобках, что именно это вызывает негодование у приверженцев «дистиллированного» университетского религиоведения как посягательство на их «место под солнцем»; в то время как для студентов обучение по программе «Теология» значимо не только приобретением специальности, но и обретением ценностных устоев).

Неслучайно представителям профессорско-преподавательского сообщества в университетах приходится осмысливать собственные профессиональные установки, определять теоретико-методологические особенности и педагогические условия реализации образовательных программ [29; 30; 31]. Так, Т. Г. Человенко пишет: «Преподавать студентам религиозную традицию как «живое знание», которое русская религиозная философия понимала как «совокупность мышлений, связанных любовью», сложно в рамках традиционной теории познания с ее представлениями об истине как логической конструкции, о субъекте познания как носителе наблюдающего «сознания вообще», а о субъекте образования – как сознании, «очищаемом» от

всех искажающих представлений, от всех свойств и предпосылок реального эмпирического субъекта, имеющего и свой религиозный опыт, и свое отношение к этому «опыту предельного». ... Это фундаментальная проблема для всего современного образования, решение которой зависит от включения в него процессов понимания, осмысления, переживания, происходящих на индивидуальном уровне и тесно связанных с познанием не только истины, но и Истины в теологическом ее понимании» [31, с. 492]. И с этим трудно поспорить.

Наряду с введением теологии как направления профессиональной подготовки ведется речь о необходимости знаний о религии для студентов любых специальностей как часть общекультурной компетентности личности и развитие ее духовно-нравственной основы. Знакомство с религиозной картиной мира в контексте развития культуры вполне оправдано, и в высшей школе такой «знаниево-информационный подход» в преподавании социально-гуманитарных предметов все еще доминирует. Другое дело, что мировоззренческая задача в таком случае решается не достаточно эффективно. Конечно, опора на личный опыт диалога с высшим (Богом) могла бы стать основой для получения тех или иных знаний о религии. Но в рамках учебной дисциплины это будет восприниматься как нарушение (пусть даже невольное) личных границ и прав на свободу совести и свободу вероисповедания обучающегося, что, безусловно, недопустимо (в одном из интервью митрополит Волоколамский Илларион (Алфеев) подчеркивал: «Мы не должны превращать кафедры теологии в инструмент привлечения людей в Церковь – или в мечеть и синагогу, если речь идет о кафедрах теологии иных религиозных конфессий. То есть на уровне университета, светского учебного заведения, мы как раз и берем ту рациональную составляющую теологии, которая, собственно, является вершиной айсберга. А что происходит в душе человека, как его сердце на это откликается, молится ли он по утрам и вечерам – это мы оставляем на его совести. Было бы странно, если бы профессор теологии в университете на экзамене спрашивал студента, читает ли он утренние и вечерние молитвы. ... Однако само преподавание этой религиозной традиции не должно быть ... оторвано от нее. ... От теолога, который преподает этот предмет, ожидается, что он связан с конкретной религиозной традицией. И в этом состоит его отличие от религиоведа, который не всегда связан с религиозной традицией и одинаково нейтрально относится к православию, исламу, иудаизму, каким-то сектам и т. д.» [32, с. 133]). Другое дело, что вопрос о духовно-нравственном воспитании в этом случае остается открытым. По-видимому, есть потребность в иных, нежели жестко ограниченных учебным планом видах деятельности и способах знакомства с религиозными ценностями и формах приобщения к ним.

И если для средне-специального или высшего образования вопросы воспитания не являются приоритетными, уступая пальму первенства овладению профессией (хотя, как показывают события последнего времени, пренебрежение воспитанием молодежи дорого обходится обществу), то для общеобразовательной школы обращение к религиозным ценностям является составной частью процесса обучения и воспитания: «...преподавание курсов и дисциплин, знакомящих учащихся с Православием [добавим, равно как и с основами других конфессий – И. М., Н. С.] и приобщающих их к духовно-нравственным ценностям, историческим и культурным традициям ... препятствует внедрению в молодежную среду экстремистских, сектантских, оккультно-эзотерических и иных деструктивных учений и практик» [33, с. 268]. Важно отметить, что знакомство с религиозными традициями в школе не сопровождается обязательным обучением религиозной практике, участием в религиозной жизни и богослужениях, оставляя пространство для самоопределения личности и воспитательной роли семьи. В этом принципиальная разница между катехизаторскими программами, реализуемыми в конфессиональной среде, и культурологическом подходом в светском образовании.

Теологическое просвещение: перспективные направления

В современной педагогике вопросы образования и просвещения рассматриваются как взаимодополняющие, а включение раздела, посвященного просветительской деятельности, в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» подчеркивает значимость такой связи. Просвещение как «нестандартизированный процесс распространения достижений науки и культуры, иных социально значимых сведений среди представителей широких слоев населения»¹ предполагает включение в свою орбиту в том числе знаний о религии.

Религиозная проблематика и ранее была свойственна просветительской деятельности: в отечественной образовательной практике ее спектр простирался от активной деятельности просветителей-атеистов до сдержанной в оценочных суждениях и выявлении собственной позиции ученых-религиоведов. Изменения в образовательных практиках последних нескольких десятилетий коснулись просветительской деятельности в сфере религии (и как институции, и как мировоззренческой системы), что востребовало осмысления ее специфики и отграничения от существующих в конфессиональной традиции миссионерской и катехизаторской деятельности. Различие принципиальное – миссионерская деятельность направлена «на рас-

---

¹ Модельный закон «О просветительской деятельности» (новая редакция). 2016. Режим доступа: <https://iacis.ru/public/upload/files/1/640.pdf> (дата обращения: 17.02.2022).

пространение информации о своем вероучении среди лиц, не являющихся участниками (последователями) данного религиозного объединения, в целях вовлечения указанных лиц в состав участников (последователей) религиозного объединения»¹, а катехизация – это обучение истинам веры и чину церковной жизни.

Под *теологическим просвещением* мы понимаем деятельность, направленную на распространение знаний о религиозных культурах и их ценностных установках, а также о многообразии религиозного опыта, в целях интеллектуального, духовно-нравственного, творческого и (или) профессионального развития человека, удовлетворения его образовательных потребностей и интересов, не вступающую в противоречие с религиозными учениями ни одной из признанных в Российской Федерации конфессий.

Теологическое просвещение решает мировоззренческие задачи (противостояние постгуманизму), аксиологические задачи (представляет ценности человека и способствует решению задач образования по формированию ценностно-смысловой основы личности), социопсихологические задачи (обеспечивает сохранение культурной и религиозной идентичности в условиях глобализованного мира).

Просветительская деятельность, направленная на знакомство с религиозными основами и традициями, актуализируется в связи с включением в систему образования теологического содержания. Как отмечала Г. Б. Аскарова, «введение в учебно-воспитательный процесс светской общеобразовательной школы религиозного воспитания представляется нежелательным в силу его изначальной мистико-сакральной направленности, в связи с чем и следует вести речь ... о религиозно-этическом просвещении учащихся, суть которого состоит в передаче учащимся системы религиозных знаний, в знакомстве их с различными теологическими концепциями мироздания в целях расширения познавательного кругозора учащихся, формирования умения мыслить и оперировать религиозно-этическими категориями, что в результате способствует формированию нравственно-культурной личности, способной жить в соответствии с нормами общечеловеческой морали» [34, с. 37]. Позволим себе усомниться в прямой зависимости получения знаний и формировании ценностной основы личности, но вектор, указанный автором, логичен и мотивирован.

Продуктивным теологическое просвещение будет при соблюдении ряда условий:

---

¹Федеральный закон от 26.09.1997 № 125-ФЗ «О свободе совести и о религиозных объединениях» (с изм. и доп., вступ. в силу с 03.10.2021 г.). Статья 24.1. Содержание миссионерской деятельности. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_16218/04154b11ab7aacf1f7a3b270b5d034e15009ce83/ (дата обращения: 17.02.2022).

- специалисты, занимающиеся просветительской деятельностью, должны быть компетентны в сфере теологии и религиоведения, знать об особенностях жизни внутри конфессий, о разнообразных религиозных практиках, содействовать межконфессиональному диалогу;
- материалы и тексты, представленные обществу как просветительские, не могут противоречить законодательству Российской Федерации и должны излагаться на понятном светскому человеку языке;
- соблюдение принципов диалога для выстраивания взаимодействия в условиях поликультурности и многоконфессиональности обеспечивает открытость и доступность информации, уважение и толерантное отношение к позиции *другого*.

Принципы теологического просвещения:

- ориентация на идеалы гуманизма (оговоримся, что гуманистические идеалы – ценность человека и человечность – в той или иной степени свойственны современному взгляду на мир и человека, и в контексте просветительской практики могут рассматриваться как значимые не только для христианства, но и для других конфессий);
- адресность: учет специфики интересов и познавательных потребностей различных категорий населения (дифференцированный подход);
- научная достоверность предлагаемых для освоения сведений, соответствие распространяемых знаний современному уровню развития религиоведения;
- доступность: учет возможностей (способность и готовность) аудитории воспринять и освоить сообщаемые знания и сведения;
- учет многообразия ценностных устремлений и ориентаций аудитории, на которую направлена деятельность;
- тесное взаимодействие с образовательными, научными и конфессиональными структурами и институтами;
- учет социокультурных реалий этнических и региональных сообществ;
- учет общегосударственных интересов.

Теологическое просвещение носит по преимуществу культурологическую направленность и использует известные формы научного книгоиздания, актуализирует потенциал масс-медиа, возможности медиаобразования в цифровой среде, чтобы формировать положительный эмоциональный фон, на котором происходит получение информации о религии и деятельности конфессий, обеспечивая положительное восприятие человеком своих близких и самого себя как носителей культуры. Тем самым происходит успешное усвоение ценностно-нормативной основы культуры, готовность транслировать ее ценности.

В условиях активно развивающейся цифровой культуры теологическое просвещение приобретает особый смысл. Выделим направления теологического просвещения, которые сегодня видятся нам наиболее перспективными:

– *информационно-просветительское направление*, предоставляющее доступ к знаниям о сущности религии, ее формах, истории и современном существовании конфессий, религиозном и культурном наследии, многообразии религиозного опыта широким слоям населения, вне зависимости от их религиозной принадлежности. Основными принципами реализации этого направления являются: доступность и свободный характер изложения информации, интенсивность содержания, отсутствие жесткой регламентации освоения предлагаемой информации, гибкость реакции на запросы и интересы потребителей, актуальность. В качестве инструментов используются технологии масс-медиа;

– *научно-просветительское направление* ориентировано на целенаправленное распространение и популяризацию научных знаний о религиозной жизни общества, основах религий, об особенностях и взаимозависимости сфер духовного производства (религии, науки, искусства), о связи мифа и религии, о сущности религиозности, о государственной политике в отношении религиозных организаций; раскрывает понятие свободы совести; адаптирует для широкой публики научные исследования в области исторического развития религий, определяющие отношения «религия и семья», «религия и этнос», «религия и социум»; оказывает содействие диалогу религиозных и нерелигиозных мировоззрений. Реализуется через просветительские программы, лектории, мастер-классы, дискуссионные площадки, в рамках которых акцент делается на антропологическом, социологическом и социокультурном аспектах изучения религии в обществе, в т.ч. с использованием онлайн-площадок;

– *культурно-просветительское направление* включает деятельность по сохранению, распространению и преумножению духовно-нравственных и эстетических ценностей человечества, которая реализуется в формах неформального (дополнительного) и неформального (в повседневной жизни, в свободное время) образования, художественно-творческих и досуговых практиках. Включает мероприятия познавательно-развлекательного характера, организуемые с целью популяризации религиозных традиций и праздников (фестивали, гуляния, творческие гостиные, творческие лаборатории, тематические вечера и встречи) и/или знакомства с религиозным искусством (выставки, концерты, творческие встречи с деятелями культуры, читательские и зрительские конференции) в реальном (физическом) или виртуальном пространствах.

Среди форм теологического просвещения важное место отводится медиапрактикам, которые реализуются в медиaprостранстве:

– просветительская деятельность в Сети, направленная на широкие слои населения и носящая культурологическую направленность. Медиапрактики: от комментариев к событиям, связанным с церковным календарем, до сетевых сообществ и сайтов, посвященных знакомству с основами религиозной картины мира, исследованиями религиоведов и просто «взыскующих Града» – аудитория небольшая, не всегда мотивированная, бывает случайной; включает в т.ч. студенческую молодежь. Медиаактивности, имеющие целенаправленный на эту группу характер, можно рассматривать как перспективные (особенно, когда речь идет о развитии позитивной идентичности). В настоящий момент можно говорить о созданном довольно разноплановом контенте, но он адресован скорее интравертам. Перспективным может стать более интенсивное предложение медиаактивностей через создание собственных медиапроектов: электронных газет, тревел-блогов, электронных ресурсов, посвященных религиозному искусству (в нашем случае – иконописи, церковной архитектуре и пр.). Примером такого рода может служить история забытых/разрушенных храмов и деятельность по их изучению и восстановлению;

– миссионерская деятельность в Сети. Тесно связана с просветительской деятельностью, ее направленность – на достаточно мотивированные группы людей, зачастую уже воцерковленных. Медиапрактики: группы в социальных сетях, которые ведут священники; группы, адресованные родителям и связанные с воспитанием детей на ценностях Православия; конкурсы рисунков/чтецов, фестивали, на которых можно представить собственные видеоролики, посвященные, например, путешествиям-паломничествам, видеоотчеты проведения православного лагеря и пр.

Таким образом, можно говорить о том, что в теологическом просвещении происходит сближение культурно-просветительской деятельности религиозных организаций, образовательных практик и миссионерско-катехизаторской деятельности.

Заключение

Подводя итог, отметим следующее. Теология как сфера научного знания уверенно входит в число социально-гуманитарных наук. Ученые выделяют три уровня понимания сущности теологии: первый восходит к изначальному смыслу Θεός – Бог + λόγος – слово, учение – изначальное Слово Бога, творящее мир; второй определяется как учительское слово Откровения («можно говорить о теологии как о месте чувственной и духовной встре-

чи человека с Богом, как о связи с Ним в религиозной жизни посредством духовного опыта»); третий – «рациональная система знания, организованная по принципам, схожим с принципами других гуманитарных наук» [35, с. 199]. Теология выступает методологическим основанием теологического образования.

Теологическое образование в современном российском образовательном пространстве раскрывается в двух аспектах: как процесс воспитания и обучения, направленный на осмысление и освоение религиозных ценностей и смыслов (мировоззренческое начало) и как процесс и результат реализации ценностных установок в образовательной практике. В этом логика образовательной деятельности в России сближается с европейской традицией связи теологии и образования [36; 37; 38; 39]. Теологическое образование, таким образом, можно рассматривать как специфический интегратор образовательной деятельности, задающий систему координат для самоидентификации личности и реализующийся в разнообразных формах на каждом из уровней образования.

Мы рассматриваем теологическое просвещение как первый уровень теологического образования в широком смысле (мировоззренческие основания) и первый этап теологического образования в узком смысле (знакомство с культурными практиками и теологией как сферой научного знания). Решение в рамках теологического просвещения мировоззренческих, ценностно-ориентирующих и социопсихологических задач способствует формированию позитивной идентичности человека в условиях неопределенности глобального мира. Разнообразие практик теологического просвещения может быть учтено при определении направленности теологического образования, обеспечивая вовлеченность более широких слоев населения. Возможно, это движение по созданию прочной смысловой основы для развития человека и общества.

Список использованных источников

1. Яблоков И. Н. Проблема концептуализации религиоведения как отрасли знания // Гуманитарные и социальные науки. 2017. № 2. С. 98–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2017-61-2-61-73
2. Самохин А. Богословом быть обязан: интервью с о. Павлом (Хондзинским) [Электрон. ресурс] // Культура. 08.06.2017. Режим доступа: <https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/162281-bogoslovom-byt-obyazan/> (дата обращения: 17.02.2022).
3. Антонов К. М. Теология как научная специальность // Вопросы философии. 2012. № 6. С. 73–84.
4. Шмонин Д. В. Тайна ответа: введение в рациональную теологию. Санкт-Петербург: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена, 2021. 460 с.

5. Герасимов С. В. Постсекулярность как индикатор расширения и смены концепта реальности // Человек. Культура. Образование. 2017. № 4 (26). С. 47–60.
6. Braidotti R. In Spite of the Times: The Postsecular Turn in Feminism // Theory, Culture and Society. 2008. Vol. 25, № 6. P. 1–24.
7. Agar J. Post-Secularism, Realism and Utopia: Transcendence and Immanence from Hegel to Bloch. London and New York: Routledge, 2014. 256 p. DOI: 10.4324/9781315863023
8. Ferrara A. The separation of religion and politics in a post-secular society // Philosophy & Social Criticism. 2009. № 35 (1-2). P. 77–91. DOI: 10.1177/0191453708098755
9. Узланер Д. Постсекулярный поворот. Как мыслить о религии в XXI веке. М.: Изд-во Ин-та Гайдара, 2020. 416 с.
10. Цыплаков Д. А. К вопросу об изучении российской постсекулярности // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2017. Т. 18. № 3. С. 234–244.
11. Орлов М. О. Традиционные духовные ценности в постсекулярном обществе как предмет рефлексии российской и зарубежной гуманитарной науки: источниковедческий и методологический анализ // Историческая память в теории и социокультурной практике: грани трансформаций и потенциал осмысления: Материалы IX Международной научной конференции, Саратов, 23 апреля 2021 года. Саратов: Издательство «Саратовский источник», 2021. С. 700–707.
12. Куликов Г. Я. Противоречия постсекулярной культуры: эпистемологические и этико-религиозные аспекты // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2018. № 2. С. 114–123.
13. Алфеев Г. В. Теология в гуманитарном образовательном пространстве: становление отрасли // Теология и образование. 2018. № 1. С. 19–28.
14. Алфеев Г. В. Теология в перспективе современной науки, культуры, просвещения: итоги и задачи // Теология и образование. 2020. № 3. С. 23–31.
15. Аванесов С. С. Теология в современном российском университете: вызовы и ответы // Теология и образование. 2019. № 2. С. 26–29.
16. Гутнер Г. Б. Теология и идентичность. Замечания о месте теологии в современном образовании // Теология и образование. 2018. № 1. С. 93–102.
17. Ершова И. И. Теология или «богословие 2.0»? // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия. 2020. № 1. С. 93–108.
18. Катасонов В. Н. Богословие, философия и наука // Теология и образование. 2018. № 1. С. 442–446.
19. Польсков К. О. Два понимания терминов «богословие» и «теология»: традиция и современные вызовы // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2015. Т. 16, № 2. С. 217–227.
20. Смирнов М. Ю. Религиоведение и теология: модусы сосуществования // Теология и образование. 2018. № 1. С. 119–123.
21. Хмелевская С. А. Теология: современные подходы к осмыслению концептуального статуса // Социально-политические науки. 2013. № 2. С. 56–61.
22. Шмонин Д. В. Теология образования: введение в предмет // Вопросы теологии. 2021. Т. 3, № 4. С. 460–477. DOI: 10.21638/spbu28.2021.401
23. Эбакян Е. С. ...Ныне Царство Моё не отсюда // Религиоведение. 2016. № 1. С. 119–132.
24. Мурзина И.Я. Современные проблемы культурологии и образование // Образование и наука. 2012. № 9 (98). С. 106–116.

25. Murzina I. Ya. Cultural Turn In Education: Perspective Model And The Realities Of Life // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS : Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age (НРЕРА 2019), Ufa, 15–16 ноября 2019 года. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah, 2019. P. 735–742.
26. Зборовский Г. Е., Костина Н. Б. К взаимодействию религиозного и светского образования в современных условиях // Социологические исследования. 2002. № 12. С. 107–112.
27. Геранина Г. А. Религиозное и религиоведческое образование: термины и дискуссии // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: Философия. Социология. Право. 2016. № 3 (224). С. 106–109.
28. Бокова О. А. Дискуссия о теологии в российской высшей школе // Вестник Ленинградского государственного университета им. А. С. Пушкина. 2015. Т. 2. № 4. С. 194–201.
29. Омельченко Е. А. Теология в педагогическом вузе: Каким может быть вклад теологических дисциплин в подготовку учителя? // Теология и образование. 2018. № 1. С. 225–229.
30. Федоров А. А. Теологическое образование в НГПУ им. К. Минина // Теология и образование. 2018. № 1. С. 547–551.
31. Человенко Т. Г. Образовательная программа по университетской теологии: теоретико-методологические особенности и педагогические условия реализации // Вопросы теологии. 2020. Т. 2, № 3. С. 490–501. DOI: 10.21638/spbu28.2020.308
32. Алфеев Г. В., Кырлежев А. И. Богословие в Церкви и в светском университете: особенности и проблемы // Вопросы теологии. 2021. Т. 3, № 2. С. 130–145. DOI: 10.21638/spbu28.2021.201
33. Шкурин А. В. Концептуальные задачи в сфере развития преподавания религиозных культур в российской школе // Теология и образование. 2018. № 1. С. 263–273.
34. Аскарова Г. Б. Религиозно-этическое просвещение учащихся в светской школе // Педагогика. 2005. № 1. С. 37–44.
35. Гаврилов И. Б. О ценностной основе образовательной парадигмы. Отзыв на монографию: Шмонин Д. В. Тайна ответа: введение в рациональную теологию. СПб.: Изд-во СПбПДА; Изд-во РГПУ им. А. И. Герцена, 2021. 459 с. // Труды кафедры богословия Санкт-Петербургской Духовной Академии. 2021. № 4 (12). С. 194–206. DOI: 10.47132/2541-9587_2021_4_194
36. García Ahumada E. Teología de la Educación. Santiago: Editorial Tiberiades, 2003. 534 p.
37. Hull J. M. Christian Theology and Educational Theory: Can There Be Connections? // British Journal of Educational Studies. Vol. XXIV. June 1976. P. 127–143.
38. Edgar B. The Theology of Theological Education // Evangelical Review of Theology. 2005. Vol. 29, № 3. P. 208–217.
39. Highton M. A Theology of Higher Education. New York: Oxford University Press, 2012. 296 p.

References

1. Yablokov I. N. The problem of conceptualization of religious studies as a branch of knowledge. *Gumanitarnye i sotsial'nye nauki = The Humanities and Social Sciences*. 2017; 2: 98–118. DOI: 10.18522/2070-1403-2017-61-2-61-73 (In Russ.)
2. Samokhin A. Obligated to be a theologian: interviewing Father Pavel (Khondzinskij). *Kul'tura = Culture* [Internet]. 2017 June 08 [cited 2022 Feb 17]. Available from: <https://portal-kultura.ru/articles/symbol-of-faith/162281-bogoslovom-byt-obyazan/>
3. Antonov K. M. Theology as a scientific specialty. *Voprosy filosofii = Russian Studies in Philosophy*. 2012; 6: 73–84. (In Russ.)
4. Shmonin D. V. Tajna otveta: vvedenie v ratsionalnyu teologiyu = Mystery of the answer: Introduction to rational theology. Saint Petersburg: Herzen University; 2021. 460 p. (In Russ.)
5. Gerasimov S. V. Postsecularity as an indicator of the concept of reality expanding and changing. *Chelovek, kul'tura i obrazovanie = Human. Culture. Education*. 2017; 4 (26): 47–60. (In Russ.)
6. Braidotti R. In spite of the times: The postsecular turn in feminism. *Theory, Culture and Society*. 2008; 25 (6): 1–24.
7. Agar J. Post-secularism, realism and utopia: Transcendence and immanence from Hegel to Bloch. London and New York: Routledge; 2014. 256 p. DOI: 10.4324/9781315863023
8. Ferrara A. The separation of religion and politics in a post-secular society. *Philosophy & Social Criticism*. 2009; 35 (1-2): 77–91. DOI: 10.1177/0191453708098755
9. Uzlener D. Postsekulyarnyj povорот. Kak myslit' o religii v XXI veke = Postsecular turn. How to think of religion in the 21st century. Moscow: Gaidar Institute; 2020. 416 p. (In Russ.)
10. Tsyplakov D. A. On studying Russian postsecularity. *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii = Herald of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2017; 18 (3): 234–244. (In Russ.)
11. Orlov M. O., Ruchin A. V. Traditional spiritual values in postsecular society as a subject of reflection for Russian and foreign humanitarian science. In: *Istoricheskaya pamyat' v teorii i sotsiokul'turnoj praktike. Materialy IX Mezhdunarodnoj nauchnoj konferentsii = Historical Memory in Theory and Socio-Cultural Practice. Proceedings of IX International Scientific Conference*; 23 Apr 2021; Saratov. Ed. by A. V. Baranova, Mnogoletnyaya Ye. N. Saratov: Publishing House Saratovskij Istochnik; 2021. p. 700–707. (In Russ.)
12. Kulikov G. Ya. Contradictions of postsecular culture: Epistemic and ethic-religious aspects. *Izvestiya Tul'skogo gosudarstvennogo universiteta = Izvestiya Tula State University*. 2018; 2: 114–123 (In Russ.)
13. Alfeev G. V. Theology in humanitarian educational environment: Development of the branch. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2018; 1: 19–28. (In Russ.)
14. Alfeev G. V. Theology in the modern scientific, cultural and educational prospective. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2020; 3: 23–31. (In Russ.)
15. Avanesov S. S. Theology in modern Russian university: Challenges and responses. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2019; 2: 26–29. (In Russ.)
16. Gutner G. V. Theology and identity. Notes on the place of theology in modern education. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2018; 1: 93–102. (In Russ.)
17. Yershova I. N. Theology or “divinity 2.0”? *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 7. Filosofiya = Bulletin of Moscow University. Series 7. Philosophy*. 2020; 1: 93–108. (In Russ.)
18. Katasonov V. N. Theology, philosophy and science. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2018; 1: 442–446. (In Russ.)

19. Pol'skov K.O. Two interpretations of the terms "divinity" and "theology": Traditions and modern challenges. *Vestnik Russkoj khristianskoj gumanitarnoj akademii = Herald of the Russian Christian Academy for the Humanities*. 2015; 16 (2): 217–227. (In Russ.)
20. Smirnov M. Yu. Religious studies and theology: Modes of co-existence. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2018; 1: 119–123. (In Russ.)
21. Khmelevskaya S. A. Theology: Contemporary approaches to comprehension of the conceptual status. *Sotsial'no-politicheskie nauki = Socio-Political Sciences*. 2013; 2: 25–61. (In Russ.)
22. Shmonin D. V. Theology of education: introduction to the subject. *Voprosy teologii = Issues of Theology*. 2021; 3 (4): 460–477. DOI: 10.21638/spbu28.2021.401 (In Russ.)
23. Elbakyan Ye. S. ...But now my kingdom is not of this world. *Religiovedenie = Religious Studies*. 2016; 1: 119–132. (In Russ.)
24. Murzina I. Ya. Modern problems of cultural studies and education. *Obrazovanie i nauka = The Education and Science Journal*. 2012; 9 (98): 106–116. (In Russ.)
25. Murzina I. Ya., Zhukova Ye. D. Cultural turn in education: Perspective model and the realities of life. In: *European Proceedings of Social and Behavioural Sciences EpSBS: Humanistic Practice in Education in a Postmodern Age (HPEPA 2019)*; 15–16 Nov 2019; Ufa. Ufa: Bashkir State Pedagogical University named after M. Akmullah; 2019. p. 735–742.
26. Zborovskij G. Ye, Kostina N. B. On interaction of religious and secular education in present-day conditions. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*. 2002; 12: 107–112. (In Russ.)
27. Geranina G. A. Religious and theological education: Terms and discussion. *Nauchnye vedomosti Belgorodskogo gosudarstvennogo univrsiteta. Seriya: Filosofiya. Sotsiologiya. Pravo = Belgorod State University Scientific Bulletin. Series: Philosophy. Sociology. Law*. 2016; 3 (224): 106–109. (In Russ.)
28. Bokova O. A., Karandashov V. D. Discussion on theology in Russian higher education. *Vestnik Leningradskogo gosudarstvennogo universiteta im. A. S. Pushkina = Pushkin Leningrad State University Bulletin*. 2015; 4: 194–201. (In Russ.)
29. Omel'chenko Ye. A., Teplova Ye. F. Theology in pedagogical university: What can theological disciplines contribute to teachers' training? *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2018; 1: 225–229. (In Russ.)
30. Fyodorov A. A. Theological education in Nizhny Novgorod State Pedagogical University named after K. Minin. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2018; 1: 547–551. (In Russ.)
31. Chelovenko T. G. University educational program on theology: Theoretical methodological features and pedagogical conditions of implementation. *Voprosy teologii = Issues of Theology*. 2020; 2 (3): 490–501. DOI: 10.21638/spbu28.2020.308 (In Russ.)
32. Alfeev G. V., Kyrlezhev A. I. Divinity in church and at a secular university. *Voprosy teologii = Issues of Theology*. 2021; 3 (2): 130–145. (In Russ.)
33. Shkurin A. V. Conceptual objectives in the development of teaching religious cultures in Russian schools. *Teologiya i obrazovanie = Theology and Education*. 2018; 1: 263–273. (In Russ.)
34. Askarova G. B. Religious and ethic enlightenment for secular school students. *Pedagogika = Pedagogics*. 2005; 1: 37–44. (In Russ.)
35. Gavrilov I. B. On the axiological basis of an educational paradigm. Review on the monograph by D. V. Shmonin. *Mystery of the answer: introduction to rational theology. Trudy*

kafedry bogosloviya Sankt-Peterburg Dukhovnoj Akademii =Proceedings of the Department of Theology of St. Petersburg Theological Academy. 2021; 4 (12): 194–206. DOI: 10.47132/2541-9587_2021_4_194 (In Russ.)

36. García Ahumada E. Teología de la Educación. Santiago: Editorial Tiberiades; 2003. 534 p. (In Spanish)

37. Hull J. M. Christian theology and educational theory: Can there be connections? *British Journal of Educational Studies*. June 1976; XXIV: 127–143.

38. Edgar B. The theology of theological education. *Evangelical Review of Theology*. 2005; 29 (3): 208–217.

39. Highton M. A theology of higher education. New York: Oxford University Press; 2012. 296 p.

Информация об авторах:

Мурзина Ирина Яковлевна – доктор культурологии, профессор, директор Института образовательных стратегий; ORCID 0000-0002-7635-0571, ResearcherID E-4981-2018; Екатеринбург, Россия. E-mail: Instos-ekb@yandex.ru

Симбирцева Наталья Алексеевна – доктор культурологии, доцент, заведующая кафедрой философии, социологии и культурологии Уральского государственного педагогического университета. ORCID 0000-0002-5902-845X, ResearcherID AGQ-1271-2022; Екатеринбург, Россия. E-mail: simbirtseva.nat@yandex.ru

Вклад соавторов:

И. Я. Мурзина – постановка проблемы исследования, выработка методологической стратегии исследования, сбор информации, анализ данных, обобщение результатов.

Н. А. Симбирцева – уточнение задач, теоретический анализ проблемы исследования в отечественной и зарубежной традиции, теоретический анализ результатов исследования, верификация статьи.

Информация о конфликте интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Статья поступила в редакцию 09.02.2022; поступила после рецензирования 03.07.2022; принята к публикации 06.08.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

Information about the authors:

Irina Ya. Murzina – Dr. Sci. (Cultural Studies), Professor, Director, Educational Strategies Institute; ORCID 0000-0002-7635-0571, ResearcherID E-4981-2018; Ekaterinburg, Russia. E-mail: Instos-ekb@yandex.ru

Natal'ya A. Simbirtseva – Dr. Sci. (Cultural Studies), Associate Professor, Head of Department of Philosophy, Sociology and Cultural Studies, Ural State Pedagogical University; ORCID 0000-0002-5902-845X, ResearcherID AGQ-1271-2022; Ekaterinburg, Russia. E-mail: simbirtseva.nat@yandex.ru

Contribution of the authors:

I. Ya. Murzina – statement of the research problem, development of a methodological research strategy, collection of information, data analysis, generalisation of results.

N. A. Simbirtseva – clarification of objectives, theoretical analysis of the problem of research in Russian and foreign science, theoretical analysis of the research results, verification of the article.

Conflict of interest statement. The authors declare that there is no conflict of interest.

Received 09.02.2022; revised 03.07.2022; accepted for publication 06.08.2022.

The authors have read and approved the final manuscript.